

**ПЕРВАЯ ПЕРВИНКА
ПОЛУГРАМОТНОЙ ВНУКЪ.**

**СКАЗКИ, ПЪСЕНКИ, ИГРЫ.
ПЕРЕСМОТРЕНО**

В. И. Далемъ

**Дозволено Цензурой. Москва,
7 Марта, 1870 г.
1870.**

ОТЪ ПРАВЩИКА.

Книженка для малыхъ дѣтей, чуть не букварь, всего въ нѣсколько листовъ, первая первинка ребенку, да еще отчасти сборничекъ — и къ этому особое предисловіе! Не слишкомъ ли много важности?

А важность вотъ какая: на дняхъ у насъ читали вслухъ извѣстный нѣмецкій романъ, кажется переведенный и у насъ, гдѣ кормилица королевская, взятая изъ неграмотныхъ крестьянокъ, негодуетъ на стороннихъ людей, даже на самоё мать, на королеву, когда они, при младенцѣ королевичѣ говорятъ по французски; она убѣждена, что питомца ея можно этимъ испортить.

Да, подумалъ я, чуть ли всѣ мы не такіе же порчельники. Свое, родное, и доброе и худое, обходить насъ съ самого младенчества, словно тѣнь, словно что чужое; родители и воспитатели, не вѣдая что творять, направляютъ всю духовную и нравственную жизнь нашу на чужбину — а

человѣкъ, не приуроченый съ пелень къ своей почвѣ, едва ли къ ней приживется. А какъ ему къ ней приурочиться, коли онъ сокомъ ея не питался и едва ее знаетъ?

Книжечка эта руская, по духу, по отношеніямъ къ быту, къ жизни народа. Можетъ статья иные родители признають это добрымъ; въ такомъ случаѣ вѣроятно вскорѣ послѣдуетъ и продолженье, позатѣйливѣе.

В. И. ДАЛЬ.

I.

ЛИСА И ТЕТЕРЕВЪ.

Гдѣ то въ деревнѣ сшала лиса, не то цыпляютъ она поѣла, не то курь передушила, вотъ и стали ее караулить. Наша лисица хитра, какъ разъ смекнула въ чемъ дѣло, да и побѣжала оттуда далеко, далеко, за долы, за горы, въ дремучіе лѣса; бѣжавши она приумаялась и думаетъ про себя: гдѣ бы чего перехватить, поѣсть? почуяла она по землѣ — ничего не слышать; повела носомъ плъ-верху — скоромнымъ пахнетъ; глядитъ, а надъ нею сидитъ глухарь, черный, краснобровый тетеревъ, онъ же мошнѣкъ,

сидить и по-своему, по тетеревиному бормочетъ: бу бу бу, да опять бу бу бу. Лисица облизнулась, подошла къ тетереву, да и говоритъ: здорово, Терентій! а тетеревъ ничего не слышитъ, знай себѣ бормочетъ; вотъ лиса переждала, да какъ онъ смолкъ, чтобы перевести духъ, она откашлялась и говоритъ ласковымъ голоскомъ: здорово, Терентій! а я въ городѣ была!

Бу бу бу, была, такъ была!

Терентій, а Терентій, а я тамъ указъ добыла!

Бу бу бу, бу бу бу, добыла, такъ добыла!

Чтобы вамъ, тетеревамъ, не сидѣть по деревьямъ, а гулять по зеленымъ лугамъ!

Бу бу бу, бу бу бу, по лугамъ, такъ по лугамъ.

Тетеревъ, глупъ, не догадливъ, его и не лиса, такъ обманетъ; вотъ онъ ужъ и собрался было слетѣть къ ней по указу въ лапы, на луга, какъ слышался стукъ телеги.

Терентій, а Терентій, кто тамъ ѣдетъ? спросила лиса, заслышавъ стукъ колесъ и собачій лай; а лиса собакъ не любитъ, она ихъ боится.

Бу бу бу, мужикъ ѣдетъ, отвѣтилъ Терентій.

А кто за нимъ бѣжить? допрашивала лиса.

Должно быть жеребенокъ.

Тетереву все равно, жеребенокъ ли, собака ли бѣжала за телегой; ему—то одно, да лисѣ не одно.

Ахъ ты, тетеря, сердито проворчала лиса, вслухъ же назвала Терешенькой и спросила: А какой у того жеребенка хвостъ, помеломъ или крючкомъ?

Бу бу бу, крючкомъ, такъ крючкомъ.

Тутъ лисица догадалась, что это не жеребенокъ, а собака.

Ну такъ прощай, Терентій, мнѣ недосугъ, дома ждуть; сказавъ это, лиска махнула хвостомъ и была такова.

II.

КОЛОМЕНСКАЯ ЖЕЛТАЯ РЪПКА.

Жили были старикъ со старухой, да третья внучка; пришла весна, снѣгъ стаялъ; вотъ и говорить старуха: пора огородъ копать; вѣстимо пора, сказалъ старикъ, наточилъ заступъ и пошелъ въ огородъ. Ужъ онъ его копалъ, копалъ, всю землю по комочку перебралъ и вспушилъ гряды на диво; похвалила старуха гряды и посѣяла рѣпу. Вошла рѣпа, растеть и зелена и кудрява, ботва стелется по землѣ, а подъ землю дуется наливается желтая рѣпа, вверхъ преть, изъ земли лѣзеть. Экая рѣпа! говорятъ сосѣди, поглядывая черезъ плетень! А дѣдушка съ бабушкой да со внучкой радуются да приговариваютъ: будетъ намъ что постомъ печь да парить! Вотъ пришелъ Успенскій постъ, что Госпоженками зовутъ, захотѣлось дѣдушкѣ поѣсть рѣпки парѣнки, пошелъ въ огородъ, захватилъ рѣпу за ботву, и ну тянуть; тянеть, потянеть, вытянуть не можетъ; крикнулъ старуху, старуха пришла, схватилась за дѣдушку и ну тянуть; тянуть потянуть вдвоемъ, вытянуть рѣпки не

могутъ; пришла внучка, схватилась за бабушку, и ну втроемъ тянуть; онѣ рѣпку тянуть потянуть, а вытянуть не могутъ. Прибѣжала дворняжка жучка, уцѣпилась за внучку, и всѣ самчетверть тянуть потянуть, а рѣпки вытянуть не могутъ! Старикъ запыхался, старуха закашлялась, внучка плачетъ, жучка лааетъ; прибѣжалъ сосѣдъ, схватилъ жучку за хвостъ, жучка за внучку, внучка за бабушку, бабушка за дѣдушку, дѣдушка за рѣпку, тянуть потянуть, а вытянуть не могутъ! Тянули, тянули, да какъ оборвется ботва, такъ всѣ и полетѣли навзничь: дѣдушка на бабушку, бабушка на внучку, внучка на жучку, жучка на сосѣда, а сосѣдъ на землю. Бабушка Ахъ! дѣдушка руками махъ, внучка плачетъ, жучка лааетъ, сосѣдъ затылокъ потираетъ, а рѣпка, какъ ни въ чемъ не бывала, сидитъ въ землѣ! Почесался сосѣдъ да и говоритъ: эхъ дѣдушка, борода выросла а ума не вынесла; давай заступъ, выковырнемъ ее изъ земли! Тутъ и старикъ со старухой догадались, схватились за заступъ и ну обрывать рѣпу;

обрыли, вынули, отрясли, а рѣпа такова, что ни въ одинъ горшокъ не лѣзеть; какъ быть? старуха взяла посадила ее на сковороду, испекла, и съѣли ее съ сосѣдомъ самчетверть, а жучкѣ кожурки отдали. Вотъ и сказка вся, больше сказывать нельзя.

III.

ЛАДНО И НЕ ЛАДНО.

«Гдѣ ты братъ былъ?» — Въ Москвѣ на торгу. «Что по чему?» — Рожь да овесъ по мѣшкамъ, а денги по кошнамъ. «А съ чѣмъ въ городъ ѣздилъ?» Ѣздилъ братъ съ рожью. «Ладно братъ ладно!» Ладно да не больно. — «А что жъ таково?» — Да вотъ каково: ѣхалъ я рѣкой да рожь подмочилъ. — «Плохо братъ плохо!» — Плохо да не больно. «А что жъ таково?» Да вотъ каково: я солоду наростилъ, да пива наварилъ. — «Ладно, братъ, ладно.» Ладно да не больно. «А что жъ таково?» — Да вотъ каковъ: пришли свиньи, да пиво выпили. — «Плохо, братъ, плохо!» Плохо, да не больно. — «А что жъ таково?» Да

вотъ каковъ: я свиной то перебилъ, да чанъ мяса насолилъ! «Ладно братъ, ладно.» Ладно, да не больно. «А что жъ таково?» Да вотъ каково: пришли кошки, все мясо поѣли! «Плохо братъ, плохо!» Плохо да не больно. — «А что жъ таково?» Да вотъ каковъ: я кошекъ перебилъ, женѣ шубу сшилъ. «Ладно братъ, ладно!» Ладно да не больно. — «А что жъ таково?» — Да вотъ каковъ: пришли воры, да шубу украли. — «Плохо братъ плохо!» — Плохо да не больно. «А что жъ таково?» Да вотъ каковъ: я воровъ переловилъ, да въ тюрьму засадилъ. «Ладно братъ ладно, туда имъ и дорога!»

IV.

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ.

Летала сова веселая голова, вотъ она летала, летала да и съла, головой повертѣла по сторонамъ посмотрѣла, снялась и опять полетѣла; летала, летала да съла, головой повертѣла, по сторонамъ посмотрѣла, а глаза у нея какъ плоски, не видятъ ни крошки!

Это не сказка, это присказка, а сказка впереди.

Пришла весна по зиму, и ну ее солнышкомъ гнать допекать, а травку муравку изъ земли вызывать; высыпала выбѣжала травка на солнышко поглядѣть, вынесла цвѣты первые подснежные: и голубые и бѣлые, сине-алые и желто-сѣрые. Потянулась изза моря перелетная птица: гуси да лебеди, журавли да цапли, кулики да утки, пѣвчія пташки и хвастунья синичка. Всѣ слетѣлись къ намъ на Русь гнѣзда вить, семьями жить: вотъ разошлись они по своимъ волостямъ, по степямъ, по лѣсамъ, по болотамъ, по ручьямъ.

Стоить журавль одинъ въ полѣ, по сторонамъ поглядываетъ, головушку поглаживаетъ, а самъ думаетъ: надо-де мнѣ хозяйствомъ обзавестись, гнѣздо свить да хозяйошку добыть. Вотъ свиль онъ гнѣздо вполоть у болота, а въ болотѣ въ кочкарникѣ сидить долгоносая долгоногая, цапля, сидить, на журавля поглядываетъ, да про себя посмѣивается: вѣдь уродился же неуклюжій какой! Тѣмъ временемъ

надумался журавль, дай, говорить, посватую цаплю, она въ нашъ родъ пошла, и клювъ нашъ, и на ногахъ высока. Вотъ и пошелъ онъ нетореной дорожкой по болоту, тяпъ да тяпъ ногами, а ноги да хвостъ такъ и вязнуть; вотъ онъ упрется клювомъ хвостъ вытащить, а клювъ увязнетъ, клювъ вытащить, хвостъ увязнетъ, насилу до цаплиной кочки дошелъ, поглядѣль въ тростникъ и спрашиваетъ: а дома ли сударушка цапля?

Здѣсь она, что надо! отвѣтила цапля.

Иди за меня за мужъ, сказалъ журавль!

Какъ не такъ, пойду я за тебя за долговязаго, на тебѣ и платье нѣмецкое короткое, и самъ ты пѣшкомъ гуляешь, скупо живешь, меня на гнѣздѣ съ голоду уморишь!

Слова эти показались журавлю обидными, молча онъ повернулъ, да и пошелъ домой; тяпъ да тяпъ, тяпъ да тяпъ.

Цапля сидючи дома пораздумалась: а что и вправду, для чего я ему отказала, неж-то мнѣ лучше жить одной? онъ хорошаго роду, зовутъ его щеголькомъ,

ходить съ хохолкомъ; пойду къ нему доброе слово перемолвить. Пошла цапля, а путь по болоту не близокъ! то ногу увязить, другую вытащить, другую увязить, крылышко вытащить клювъ засадить; ну пришла, и говорить: журавль, я иду за тебя! нѣтъ цапля, говорить ей журавль, ужь я раздумалъ, не хочу на тебѣ жениться, иди туда откуда пришла!

Стыдно стало цаплѣ, закрылась крылышкомъ и пошла къ своей кочкѣ; а журавль, глядя за нею, пожалѣлъ что отказалъ; вотъ онъ выскочилъ изъ гнѣзда и пошелъ слѣдомъ за нею болото мѣсить, приходитъ и говорить: ну такъ ужь и быть, цапля, я беру тебя за себя; а цапля сидитъ сердитая пресердитая и говорить съ журавлемъ не хочетъ.

Слышишь, сударыня, цапля, я беру тебя за себя, повторилъ журавль. Ты берешь, да я нейду, отвѣчала она.

Нечего дѣлать, пошелъ опять журавль домой; эдакая нравная, подумалъ онъ, теперь ни за что не возму ее!

Вотъ усѣлся журавль въ травѣ и глядѣть не хочетъ въ ту сторону гдѣ цапля живетъ.

А та опять передумала: лучше жить вдвоемъ чѣмъ одной, пойду, помирюсь съ нимъ и выду за него. Вотъ и пошла опять ковылять по болоту, путь до журавля дологъ, болото вязко, то ножку увязить, другую вытащить, другую увязить, крылышко вытащить, клювъ засадить, всилу добралась до журавлинаго гнѣзда и говоритъ: журанька, послушай—ка, ужъ такъ и быть я иду за тебя!

А журавль ей въ отвѣтъ: нейдетъ Федора за Егора, а и пошла бы Федора за Егора, да Егоръ не беретъ; сказавъ такія слова, журавль отвернулся. Цапля ушла.

Думаль, думаль журавль, да опять пожалѣлъ, для чего было ему не согласиться взять за себя цаплю, пока та сама хотѣла; всталъ скорехонько и пошелъ опять по болоту: тяпъ, тяпъ ногами, а ноги да хвостъ такъ и вязнуть; вотъ упрется онъ клювомъ, хвостъ вытащить, клювъ увязить, а клювъ вытащить, хвостъ увязнетъ. Вотъ такъ то и по сію пору ходятъ они другъ за

дружкой, дорожку проторили, а пива не сварили.

V.

ВОЙНА ГРИБОВЪ СЪ ЯГОДАМИ.

Краснымъ лѣтомъ всего въ лѣсу много, и грибовъ и всякихъ ягодъ! земляники съ черникой, и малины съ ежевикой, и черной смородины. Ходятъ дѣвки по лѣсу ягоды собираютъ, пѣсенки распѣваютъ, а грибъ боровикъ, подъ дубочкомъ сидючи, пыжится, дуется, изъ земли претъ, на ягоды гнѣвается: вишь, что ихъ уродилось! Бывало и мы въ чести въ почетѣ, а нынѣ никто на насъ и не посмотритъ! Постой же, думаетъ боровикъ, всѣмъ грибамъ голова, насъ грибовъ сила великая, пригнетемъ, задушимъ ее, сладкую ягоду!

Задумаль загадалъ боровикъ войну, подъ дубомъ сидючи, на всѣ грибы глядючи, и сталъ онъ грибы сзывать, сталъ помочь скликать:

Идите вы, бѣлянки, со мной на войну!

Отказалися бѣлянки, мы природныя дворянки, стать ли намъ на войну идти!

Ну такъ вы, волнушки, выступайте на войну! отказались волнушки, мы все старыя старушки неповинны на войну.

Идите вы, опенки!

Отказались опенки: у насъ ноги больно тонки, не пойдёмъ на войну!

Эй вы, сморчки! крикнудь грибъ боровикъ, снаряжайтесь на войну!

Отказались сморчки: мы хилые старички, ужъ куда намъ на войну!

Разсердился грибъ, прогнѣвился Боровикъ на свою волость грибную и крикнудь онъ громкимъ голосомъ: Грузди, вы ребята дружны, идите со мной воевать, кичливую ягоду избивать!

Откликнулись Грузди съ Подгруздками: мы Грузди братья дружны, мы идемъ съ тобой на войну, на лѣсную и полевую ягоду, мы ее шапками закидаемъ, пятой затопчемъ! Сказавъ это, Грузди полѣзли дружно изъ земли, сухой листь надъ головами ихъ вздымается, грозная рать подымается.

Ну быть бѣдѣ, думаетъ зеленая травка.

А на ту пору пришла съ коробомъ въ лѣсъ тетка Варвара широкіе карманы; увидавъ великую груздевую силу, ахнула, присѣла и ну грибы сподрядъ брать, да въ кузовъ класть; набрала его полнымъ полнешенько, на силу до дому донесла, а дома разобрала грибки по родамъ, по чинамъ, да по званію: Бѣлянки въ банки, Волнушки въ кадушки, Опенки въ боченки, Сморчки въ бурачки, Груздки въ кузовки, а наибольшій грибокъ Боровикъ попалъ въ вязку, его пронизали, высушили да купцамъ и продали. Съ той поры пересталъ грибокъ съ ягодою воевать.

VI.

СТАРИКОВО ВЕЛИКОЕ ГОРЕ.

Жиль былъ старикъ со старухой, у нихъ была курочка рябушечка; снесла рябушечка первое яичко въ кутъ передъ печкой, подъ самымъ окошкомъ; пестро остро костяно мудрено.

Положила старуха яичко на полочку, мышка бѣжала, хвостикомъ вильнула, полочку свернула, яичко скатилось, объ

поль разбилось. Старикъ плачетъ, старуха рыдаетъ, курочка кудахчетъ, огонь въ печи пылаетъ, двери скрыпятъ, соръ подъ порогомъ вскружился, тынъ покосился, ворота хлопаютъ, щепы въ поле летятъ. Сбѣжались сосѣди: что, что?

Старикъ говоритъ: вотъ такъ и такъ, наша курочка рябушечка снесла яичко, пестро востро костяно мудрено. Положила старуха яичко на полку, мышка бѣжала, хвостикомъ вильнула, полку свернула, яичко скатилось, обь поль разбилось; я старикъ плачу, старуха рыдаетъ, курочка кудахчетъ, огонь въ печи пылаетъ, двери скрыпятъ, соръ подъ порогомъ вскружился, тынъ покосился, ворота хлопаютъ, щепы въ поле летятъ! Какъ услышали сосѣди про стариково горе, такъ развели руками и ну вопить на всё село.

Сбѣжалось село: что, что?

Старикъ говоритъ: вотъ такъ и такъ, наша курочка рябушечка, снесла яичко пестро, востро, костяно, мудрено. Положили яичко на полочку, мышка бѣжала, хвостикомъ вильнула, полку

свернула, яичко скатилось, объ поль
разбилось! Я старикъ плачу, старуха
рыдаеть, курочка кудахчетъ, огонь въ печи
пылаеть, двери скрыпятъ, соръ подь
порогомъ вскружился, тынъ покосился,
ворота хлопають, щепы въ поле летятъ,
сосѣди на все село плачуть, руками
машуть! Тутъ заголосило все село въ
голосъ, стало рвать на себѣ волосъ, тужить
по стариковомъ великомъ горѣ.

VI. ВОРОНА.

Жила была у насъ на Руси ворона, и
жила она не одна, а съ няньками, мамками,
съ малыми дѣтками, съ ближними и
дальними сосѣдками. Прилетѣли птицы изъ
заморья, большія и малыя, гуси и лебеди,
пташки и пичужки, свили гнѣзда въ горахъ,
въ долахъ, въ лѣсахъ, въ лугахъ и нанесли
яичекъ; подмѣтила это ворона, и ну
перелетныхъ птицъ обижать, у нихъ яички
таскать! Летѣлъ сычъ и увидалъ, что
ворона большихъ и малыхъ птицъ
обижаетъ, яички таскаетъ. Пстой,

говорить онъ, негодная ворона, найдемъ на тебя судъ и расправу! И полетѣль онъ далеко, въ каменные горы, къ сизому орлу, прилетѣль и просить: Батюшка сизый орель, дай намъ свой праведный судъ на обидчицу ворону, отъ нея житья нѣтъ, ни малымъ, ни большимъ птицамъ: наши гнѣзда зорить, дѣтенышей крадетъ, яйца таскаетъ, да ими своихъ воронячь питаетъ!

Покачалъ сизый орель головою и послалъ за вороной легкаго, меншаго своего посла воробья. Воробей вспорхнулъ и полетѣль за вороной; она было ну отговариваться, а на нее поднялась вся птичья сила, всѣ пичуги, и ну ее щипать, клевать, къ орлу на судъ гнать. Нечего дѣлать, каркнула и полетѣла, а всѣ птицы взвились, на улику слѣдомъ за ней понеслись. Вотъ и прилетѣли онѣ къ орлову жилью и обсѣли его, а ворона стоитъ посерединѣ, да обдергивается передъ орломъ, охорашивается.

И сталъ орель ворону допрашивать: про тебя, ворона, сказываютъ, что ты на чужое добро ротъ розѣваешь у большихъ и

малыхъ птицъ дѣтенышей да яйца таскаешь?

Напраслина, батюшка сизль орель, напраслина, я только однѣ скорлупки подбираю!

Еще про тебя жалоба до меня доходитъ, что какъ выдетъ мужичокъ пашню засѣвать, такъ ты подымешься со всѣмъ своимъ содомомъ, съ гальемъ, съ вороньемъ, и ну сѣмена клевать.

Напраслина, батюшка сизль орель, напраслина! Я съ подружками, съ малыми дѣтками, съ чадами, домочадцами только червячковъ изъ свѣжей пашни таскаю!

А еще на тебя всюду народъ плачется, что какъ хлѣбъ сожнуть, да снопы въ копны сложать, то ты налетишь со всѣмъ содомомъ своимъ, со всею чернью, гальемъ, вороньемъ, и давай озорничать, снопы ворошить да копны разбивать!

Напраслина, батюшка сизль орель, напраслина! мы это все ради добраго дѣла, по благостынѣ своей помогаемъ, копны разбираемъ, солнышку да вѣтру доступъ

даемъ, чтобы хлѣбушка не проросъ, да зерно просохло!

Разсердился орель на старую врунюю ворону, велѣлъ ее засадить въ острогъ, въ решетчатый теремокъ, за желѣзные засовы, за булатные замки — тамъ она сидитъ и по сей день!

VIII.

ЖУРАВЛЬ ВЪ НЕБѢ НЕ ДОБЫЧА.

Жиль былъ мужичокъ безъ земли, безъ пашни, безъ кола, безъ двора, безъ скотинки, словомъ, какъ есть бобыль. Голодъ морить, по свѣту гонить, говорить пословица; нанялся бобыль къ богатому мужику въ работники; дѣло учить, дѣло мучить, дѣло и кормить; сытъ нашъ бобыль и одѣтъ и въ угрѣвѣ, а все своя воля на умѣ. Идетъ онъ разъ полемъ, и видитъ подъ кустомъ лежитъ заяцъ; вотъ онъ поднялъ булыжникъ и думаетъ; это мнѣ кладъ дается, убью я зайца, продамъ его, а на денги куплю поросёночка; выкормлю поросенка, станетъ онъ свинкой, свинка та же скотинка, свинка моя выведетъ

двенадцать поросятъ, поросенокъ
выростеть, большой свиной будетъ,
каждая свинья выведетъ по двенадцати
поросятъ, и будетъ у меня стадо во сто
сорокъ и пять свиней; тутъ то обзаведусь я
своимъ домкомъ, сосватаю лучшую дѣвку
на деревнѣ, и заживетъ она у меня
барыней; старшаго сына назову Иваномъ,
подстаршаго Тимофѣемъ, середняго
Дорофеемъ, малаго Еремѣемъ, подмалаго
Андреемъ; станутъ сынки расти какъ
грибки, я ихъ на работѣ не умучу, найму
работниковъ, а сыновья станутъ за
батраками надсматривать, а я изъ окошка
на дворъ поглядывать да порядки чинить:
Андрей, Еремей, Дорофей, Тимофей,
Ванюша, что балуете, дѣла не дѣлаете, за
работниками не приглядываете, аль въ
бѣдности не живали? вотъ я васъ! Бобыль
нашъ такъ крикнулъ что заяцъ проснулся,
вскочилъ и далъ тягу. Вотъ те на! сказалъ
мужичокъ почесываясь, вотъ те и свинки съ
избой, и хозяйюшка съ Ванюшей и съ
Андрюшей, съ Тимошей, и съ Дорошей, и

съ Еремушкою! И пошелъ своимъ, путемъ
все тѣмъ же бобылемъ!

ІХ.

ПРО МЫШКУ–НОРЫШКУ.

Въ пльдопль–подпльльѣ жила была
мышка, по прозванью норышка;
вздумалось разъ мышкѣ поглядѣть на
барскія хоромы и стала она прогрызаться
сквозь половицу; остерь зубокъ, да попалъ
на сучокъ; грызла, грызла, насилу
прогрызла! Глянула — у, батюшки, какъ
свѣтло! пожалуй еще увидятъ меня! Вотъ
мышка норышка опять юркнула въ нору.
Пришла ночь, въ домѣ всѣ полегли;
выскочила наша норышка и пошла бѣгать
по дому; тутъ крошечки подбереть, тамъ
сахарцу погрызеть; нашла сухарь и
потщила его въ свою норку: сухарь
великъ, въ нору не лѣзетъ, какъ быть, надо
его перепилить; и стала норышка грызть
вприпадку. Барыня проснулась, зажгла
свѣчку, мышка испугалась, да кубаремъ въ
подполье. День прошелъ, у мышки все
сухарь на умѣ; высунула мордочку,

понюхала, поглядѣла, а сухаря ужъ нѣтъ, дѣвка чернавка сухарь убрала и мышку обругала. Норышка побѣжала по хоромамъ, напилась, наѣлась до отвалу, а все жадность разбираетъ; нашла на столѣ корочку, потащила ее со стола въ норочку, возилась, возилась, да съ нею вмѣстѣ объ полъ и грянулась. Барыня проснулась, мышка въ норку метнулась, дѣвка чернавка вскочила, мышеловку насторожила, мышкѣ норышкѣ пригрозила: ужъ постой ты мышка норышка, ты плутовка воровка, мы до тебя доберемся, въ полонъ возьмемъ, кандалы набьемъ! Вотъ дѣвка чернавка ушла, а мышка усомъ повела, что-то говорить хорошо пахнетъ! Выскочила изъ подполья прямо на желѣзную клѣтку: глядь, анъ въ ней ломтикъ жаркова. Вотъ, говорить, и кстати, сухарикомъ-то я нынѣ закусил, а жаркова давно не ѣдала! Вскочила въ клѣтку, западня хлопнула и мышка заметалась во всѣ концы, а выскочить некуда.

А что, вѣдь говорила тебѣ, что попадешься, вотъ и попалась, сказала дѣвка

чернавка, вынесла мышеловку на дворъ и выкинула мышку. Норышка, хоть больно зашиблась, но со страху все забыла и бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ; бѣжала, бѣжала, прибѣжала въ поле, а въ полѣ томъ былъ горохъ посѣянъ. Ну славно, думаетъ она, съ голоду не пропаду, только бы теперь жильемъ обзавестись; построю себѣ господскія хоромы! И стала она строиться: выстроила теремокъ хоть куда и зажила въ немъ. Вотъ и слышитъ мышка норышка кто-то шуршитъ вокругъ ея хоромъ да приговариваетъ: кто, кто въ терему, кто, кто въ высокльмъ? — «Я, мышка норышка, а ты кто?» спросила она. Я ящерка шершорочка. «Иди ко мнѣ жить,» сказала мышка. Хорошо, отозвалась ящерка, вползла въ хоромы и стали онѣ жить вдвоемъ. Прискакала лягушка квакушка: кто, кто въ терему, кто, кто въ высокльмъ? «Я, мышка норышка, да ящерка шершорочка; а ты кто?» Я лягушка квакушка. «Иди къ намъ жить!» Ладно, сказала лягушка, и вскочила въ теремокъ. Стали жить втроемъ. Прискакала бѣлочка

попрыгушечка: кто, кто, кто въ терему, кто кто въ високомъ? «Я, мышка норышка, да ящерка шерошорочка, да лягушка квакушка; а ты кто?» Я бѣлочка попрыгушечка. «Иди къ намъ жить!» Спасибо. Вотъ и стали жить вчетверомъ. Прибѣжалъ сѣрый зайчикъ; кто, кто въ терему кто, кто въ високомъ? «Я, мышка норышка, да ящерка–шерошорочка, да лягушка–квакушка, да бѣлка–попрыгушка! Иди къ намъ жить!» Отчего же не идти! Вотъ и стали жить впятеромъ. Прибѣжала лиса–патрикѣевна: кто, кто въ терему, кто, кто въ высокльмъ? «Я, мышка–норышка, да ящерка–шерошорочка, да лягушка–квакушка, да бѣлочка–попрыгушечка, да сѣрый зайка–увертышекъ; а ты кто?» Я лисичка–сестричка, всему полю краса. «Иди къ намъ жить.» Пожалуй. Вотъ и стали жить вшестеромъ. Пришелъ сѣрый волкъ; кто, кто въ терему, кто, кто въ высокльмъ? «Я, мышка–норышка, да ящерка–шерошорочка, да лягушка–квакушка, да бѣлочка–попрыгушка, да сѣрый зайчикъ–увертышекъ, да лисичка–

сестричка, всему полю краса; а ты кто?» А я сѣрый волкъ, изъ-за-куста-хватышъ! «Иди къ намъ жить!» Сторонитесь! рывкнулъ волкъ, и влѣзь въ мышкины хоромы. Ой волченька, ой сѣренькій, намъ тѣсно, ты насъ задавилъ, кричали всѣ шестеро. Кому тѣсно, а мнѣ мѣсто, сказалъ волкъ, и развалился въ хоромехъ. Вотъ и стали всѣ они плакаться да на волка жаловаться; услыхаль про то Мишка-медвѣдь, по прозванію Потапычъ. Топъ, топъ, топъ, кто тутъ реветъ, мнѣ покою не даетъ? Вотъ всѣ жильцы и заговорили въ голосъ, и стали медвѣдю на волка жаловаться, а волкъ только огрызается да зубами пощелкиваетъ. Слушаль, слушаль Михайла Потапычъ, да какъ хватить лапой по терему, такъ онъ и разлетѣлся! Всѣ жильцы повыскакали, а мышка-норышка спряталась въ горохѣ и стала раздумывать, какъ бы ей опять выстроить теремокъ, только ужъ волка не пускать!

Х. ТРУСЬ.

Проворная баба-хозяйка растворила хлѣбы, поставила квашню на печь, и ушла со двора; пришелъ въ сумеркахъ хозяинъ, да и слышитъ, что кто-то въ избѣ пыхтитъ, а это хлѣбы кисли. Батюшки, никакъ у насъ воры, думаетъ хозяинъ, и сталъ вздуть огонь, да въ потьмахъ наступилъ на самый крюкъ кочерги, а она какъ хватить его кочержищемъ по лбу! Чуръ меня, чуръ меня! закричалъ мужикъ, и бросился бѣжать изъ избы; на бѣду у него развязался лапотъ, онъ со страху прихлопнулъ за собой дверь, защемилъ въ ней обору, споткнулся, упалъ и лежитъ растянувшись въ сѣняхъ да кричить: ой батюшки, поймали меня разбойники, рѣжутъ!

Сбѣжался народъ, разобралъ дѣло, и ну его корить: трусь ты эдакой! отъ своей квашни страху набрался, своя кочерга побила, свои оборы по ногамъ связали, самъ отъ своей двери карауль закричалъ!

ХІ.

РАКЪ ПЕРЕХИТРИЛЪ ЛИСУ.

Сытая кумушка лиса вышла въ поле разгуляться, по травкѣ поваляться, за букашками шутки ради погоняться. Вотъ она гуляла, гуляла, въ перекувырышки играла, и вдругъ увидала на берегу въ тинѣ рака; вишь, думаетъ, увалень какой, все задомъ пятится, нѣтъ того, чтобы по нашему побѣгать да порѣзвиться! И стала она рака задирать, да надъ нимъ потрунивать: ты красавчикъ скорлупчатый, глаза у тебя какъ бабурки, самъ съ вершокъ, усы въ локотокъ, а ногамъ и счету нѣтъ; чай куда скоро бѣгаешь! Давай-ка, пустимся въ перегонки, кто кого обгонить, побѣжимъ, вонъ хоть до того куста!

Давай, говоритъ ракъ, ты бѣги впередъ, а я за тобой!

Стали считать: разъ, два, три! Лиса побѣжала безъ оглядки, а ракъ уцѣпился за лисій хвостъ да съ нею и летитъ. Вотъ бѣжала, бѣжала лиса, а добѣжавъ до куста позапыхалась и говоритъ: гдѣ-то теперь ракъ ползеть? обернулась назадъ, посмотрѣть, далеко ли онъ отсталъ, а ракъ,

какъ лиса обернувшись вильнула пушнякомъ, отпустилъ клешню и отлетѣлъ въ кустъ, да оттуда и кричить лисѣ: что же ты отстала? Я тебя тутъ ужъ давно поджидаю!

Лиса вытаращила глаза — когда жъ онъ это меня обогналь?

ХІІ.

БАБУШКИНЪ КОЗЛИКЪ.

Жиль былъ у бабушки козликъ, да такой прыткой, что и удержу на него не было: выростеть ли на деревнѣ молодое деревцо, все сверху до низу обдереть и огложетъ, и вѣтки поломаеть, и листья поѣсть. Побьютъ козла и приведутъ къ бабушкѣ, а бабушка: ахъ да охъ! пожурить козла, побранить козла, да запретъ въ хлѣвушокъ. А козелъ и ухомъ не ведеть! вышибеть дверь рогами и пойдетъ гулять да куралесить по огородамъ, не столько пріѣсть, сколько перетопчить. Изловятъ козла, побьютъ козла, приведутъ къ бабушкѣ, а бабушка: ахъ да охъ, пожурить козла, побранить козла, да запретъ въ

хлѣвушокъ. Васька козель и ухомъ не ведеть, вышибеть дверь рогами и поидеть гулять да куролесить. Вотъ разбѣсился онъ, разбодался, народъ опять поймалъ его, побилъ, да и ведеть къ бабушкѣ на расправу, а бабушка: ахъ да охъ! пожурила козла, побранила козла, отдала его пастуху на руки, а сама козлу приговариваетъ: ужъ ты козликъ мой, ужъ сѣренькой, ты смирененько въ стадѣ пасись, по доламъ по горамъ не носись, въ лѣсъ не ходи, тамъ тебя волки съѣдятъ! Васька козель и ухомъ не ведеть, все стадо перебодаль и пошель скакать по доламъ по горамъ, насилу къ ночи домой вернулся. Пришель пастухъ на козла къ бабушкѣ съ жалобой, стала бабушка пастуха укланивать умаливать, стала пастуха задабривать; вынесла ему криночку молока да кусокъ пирога. На утро погналь пастухъ стадо, погналь и козла, а бабушка козелку приговариваетъ: ужъ ты козликъ мой, ужъ ты сѣренькій, ты смирененько въ стадѣ пасись, по доламъ по горамъ не носись, въ лѣсъ не ходи, въ лѣсу волки съѣдятъ! А Васька и ухомъ не

ведеть! все стадо разогналь и пошель гулять по горамъ по доламъ по дремучимъ лѣсамъ; увидали козлика сѣрые волки и сѣбли козлика волки, покинули рожки да ножки, да голыя копытца.

ХІІІ.

ДѢВОЧКА СНѢГУРОЧКА.

Жили были старикъ со старухой, у нихъ не было ни дѣтей ни внучать. Вотъ вышли они за ворота въ праздникъ, посмотрѣть на чужихъ ребятъ, какъ они изъ снѣгу комочки катають, въ снѣжки играютъ, старикъ подняль комочекъ, да и говоритъ: а что, старуха, кабы у насъ съ тобой была дочка, да такая бѣленькая, да такая кругленькая! Старуха на комочекъ посмотрѣла, головой покачала, да и говоритъ: чтожь будешь дѣлать, нѣтъ, такъ и взять негдѣ!

Однако старикъ принесъ комочекъ снѣгу въ избу, положиль въ горшечекъ, накрыль ветошкой и поставиль на окошко; вошло солнышко, пригрѣло горшечекъ и снѣгъ сталъ таять; вотъ и слышать старики,

пищитъ что то въ горшечкѣ подъ ветошкой;
они къ окну — глядь, а въ горшечкѣ лежитъ
дѣвочка, бѣленькая, какъ снѣжокъ, и
кругленькая, какъ комокъ, и говоритъ имъ:
я дѣвочка снѣгурочка, изъ вешняго снѣгу
скатана, вешнимъ солнышкомъ пригрѣта и
нарумянена! Вотъ старики обрадовались,
вынули ее, да ну старуха скорѣе шить да
кроить, а старикъ, завернувъ снѣгурочку въ
полотенечко, сталь ее нянчить и пѣствовать:

Спи наша Снѣгурочка

Сдобная кокурочка,

Изъ вешняго снѣгу скатана,

Вешнимъ солнышкомъ пригрѣтая;

Мы тебя станемъ поить,

Мы тебя станемъ кормить,

Въ цвѣтнѣ платьѣ рядить,

Уму разуму учить!

Вотъ и растеть Снѣгурочка на радость
старикамъ, да такая то умная, такая то
разумная, что такія только въ сказкахъ
живуть, а взаправду небываютъ. Все шло у
стариковъ какъ по маслу: и въ избѣ
хорошо, и на дворѣ не плохо, скотинка
зиму перезимовала, птицу выпустили на

дворь; вотъ какъ перевели птицу изъ избы въ хлѣвъ, тутъ и случилась бѣда: пришла къ стариковой жучкѣ лиса, прикинулась больной, и ну жучку укланивать, умаливать, тоненькимъ голоскомъ упрашивать: Жученька, жучокъ, бѣленькія ножки, шелковый хвостикъ, пусти меня въ хлѣвушокъ погрѣться! жучка, весь день за старикомъ въ лѣсу пробѣгавши, не знала, что старуха птицу въ хлѣвъ загнала, сжалилась надъ больной лисой и пустила ее туда; а лиска двухъ куръ задушила да домой утащила. Какъ узналъ про это старикъ, так жучку и прибилъ и со двора согналъ: иди, говоритъ, куда хочешь а мнѣ ты въ сторожа негодишься! Вотъ и пошла Жучка плача со старикова двора, а пожалѣли о жучкѣ только старушка да дѣвочка Снѣгурочка.

Пришло лѣто, стали ягоды поспѣвать; вотъ и зовутъ подружки Снѣгурочку въ лѣсъ по ягоды; старики и слышать не хотятъ, не пускаютъ; стали дѣвочки кланяться да зарекаться, что Снѣгурочку онѣ изъ рукъ не выпустятъ, да и

Снѣгурочка сама просится ягодокъ побрать да на лѣсъ посмотрѣть. Отпустили ее старики, дали кузовокъ, да пирожка кусокъ. Вотъ и побѣжали дѣвчонки со Снѣгурочкой подъ ручки, а какъ въ лѣсъ пришли да увидали ягоды, такъ все про все позабыли, разбѣжались по сторонамъ, ягоды берутъ да аукаются, въ лѣсу другъ дружкѣ голосъ подаютъ. Ягодъ понабрали, а Снѣгурочку въ лѣсу потеряли. Стала Снѣгурочка голосъ подавать, никто ей не откликается! заплакала бѣдняжка, пошла дорогу искать, хуже того заплуталась; вотъ и влѣзла на дерево и кричить: ау! ау!

Идетъ медвѣдь, хворость трещить, кусты гнутся; о чемъ дѣвица, о чемъ красная?

Ау! ау! Я дѣвочка Снѣгурочка, изъ вешняго снѣгу скатана, вешнимъ солнцемъ подрумянена, выпросили меня подружки у дѣдушки, у бабушки, въ лѣсъ завели и покинули!

Слѣзай, сказалъ медвѣдь, я тебя домой доведу! — Нѣтъ, медвѣдь, отвѣчала дѣвочка

Снѣгурочка, я не пойду съ тобой, я боюсь тебя, ты съѣшь меня!

Медвѣдь ушелъ.

Бѣжитъ сѣрый волкъ: что дѣвица плачешь, что красная рыдаешь?

Ау! ау! Я дѣвочка Снѣгурочка, изъ вешняго снѣгу скатана, вешнимъ солнышкомъ подрумянена, выпросили меня подруги у дѣдушки у бабушки въ лѣсъ по ягоды, а въ лѣсъ завели, да и покинули!

Слѣзай, сказалъ волкъ, я доведу тебя до дому!

Нѣтъ, волкъ, я не пойду съ тобой, я боюсь тебя, ты съѣшь меня!

Волкъ ушелъ.

Идетъ лиса патрикѣевна: что дѣвица плачешь, что красная рыдаешь?

Ау! ау! Я дѣвочка Снѣгурочка, изъ вешняго снѣгу скатана, вешнимъ солнышкомъ прирумянена, выпросили меня подружки у дѣдушки у бабушки, въ лѣсъ по ягоды, а въ лѣсъ завели да и покинули!

Ахъ красавица! ахъ умница! ахъ горемычная моя! слѣзай скорехонько, я тебя до дому доведу!

Нѣтъ, лиса, льстивы слова, я боюсь тебя, ты меня къ волку заведешь, ты медвѣдю отдашь, не пойду я съ тобой!

Стала лиса вокругъ дерева обхаживать, на дѣвочку Снѣгурочку поглядывать, съ дерева ее сманивать, а дѣвочка нейдетъ. «Гамъ, гамъ, гамъ», залаяла собака въ лѣсу, а дѣвочка Снѣгурочка закричала: ау, ау! жученька, ау, ау, милая! Я здѣсь, дѣвочка Снѣгурочка, изъ вешняго снѣга скатана, вешнимъ солнышкомъ прирумянена, выпросили меня подруженьки у дѣдушки у бабушки въ лѣсъ по ягодки, въ лѣсъ завели, да и покинули; хотѣлъ меня медвѣдь унести, я не пошла съ нимъ; хотѣлъ волкъ увести, я отказала ему; хотѣла лиса сманить, я въ обманъ не далась; а съ тобой, жучка, пойду!

Вотъ, какъ услыхала лиса собачій лай, такъ махнула пушнякомъ своимъ и была такова! Снѣгурочка съ дерева слѣзла, жучка подбѣжала, ее лобызала, все личеко облизала, и повела домой. Стоитъ медвѣдь за пнемъ, волкъ на прогалинѣ, лиса по кустамъ шныряетъ, жучка лаетъ,

заливается, всѣ ее боятся, никто не приступается. Пришли они домой; старики съ радости заплакали, Снѣгурочку напоили, накормили, спать уложили, одѣяльцемъ накрыли:

Спи, наша Снѣгурочка,
Сдобная кокурочка,
Изъ вешняго снѣгу скатана,
Вешнимъ солнышкомъ пригрѣтая;
Мы тебя станемъ поить,
Мы тебя станемъ кормить,
Въ цвѣтно платьєце рядить,
Уму разуму учить.

Жучку простили, молокомъ напоили;
приняли въ милость, на старое мѣсто
приставили, стеречь дворъ заставили.

XIV.

ТОВАРИЩИ.

Бхаль торгошъ изъ большого села,
скупилъ у крестьянъ всякаго сырья: кожу,
щетину, копыта, пузыри. Бдетъ онъ, самъ
пѣсенки попѣваетъ, и не видитъ того, что
большой свиной пузырь съ возу скатился,

на дорогу свалился и покатило его вѣтромъ подъ гору, а на дорогѣ той лежалъ ошметокъ, старый лапотъ. Вотъ увидалъ ошметокъ, что пузырь по дорогѣ катится, и захотѣлось ему за нимъ идти, и пошелъ онъ пузырь нагонять. Пузырь катится, лапотъ за нимъ лягушкой прыгаетъ и нагнавъ его, сговорился съ нимъ постранствовать: все вмѣстѣ, все по поламъ, и радость и горе! Такъ дошли они, пузырь плькатомъ, лапотъ прыжками, до ручья.

Какъ быть, говорить пузырь, надо переправляться. Вотъ лапотъ и говорить пузырю: пузырь, соскочи въ воду, а я на тебя стану, ты и перевезешь меня на ту сторону!

Нѣтъ, спасибо, говорить пузырь, ты меня продавишь, да утопишь — промышляй ты самъ о себѣ, а я самъ о себѣ!

А какъ же у насъ былъ уговоръ, все вмѣстѣ да пополамъ?

Мало ли что, отвѣчалъ пузырь, своя кожа дороже: у меня тѣльце нѣжное, насквозь свѣтится, ни одного ребрышка

подъ мышкой нѣтъ, а вѣдь у тебя мужика ступня тяжела!

Какъ быть лаптю? Вотъ видитъ онъ, по ручью плыветъ тростникъ: тростникъ тростничекъ, говоритъ лапотъ, перевези ты меня перепутьемъ на ту сторону!

Я грести не могу и перевозить не умѣю, сказалъ тростникъ. А лапотъ ему въ отвѣтъ: тростникъ тростничекъ, ты гибокъ, дѣлогъ, перекинись съ берегу до берега, стань мостомъ, а я перейду пѣшкомъ!

Тростинка послушалась, легла поперекъ ручья; а лапотъ, такъ ступилъ всей мужичьей поступью, такъ тростиночку и надломилъ, а самъ свалился въ воду!

А пузырь, на томъ берегу лежа, какъ расхохочется надъ товарищемъ, хохоталъ, хохоталъ, покатился, надорвался, да и лопнулъ!

XV.

ИВАНУШКА ДУРАЧЕКЪ.

Жили были три брата, два умныхъ, а третій дуракъ: старшіе братья, хоть и любили дурака, а все таки журили, а ину

пору, какъ досада возметъ, такъ бывало и поколотятъ его.

Разъ пошли братья въ поле работать; вотъ старшая невѣстка говоритъ дураку: Иванушка, я напекла блиновъ, снеси—ка ихъ братьямъ, чай имъ давно ѣсть хочется. Ладно, сказалъ дуракъ. Невѣстка наложила блиновъ полонъ горшокъ, отдала дураку, а дуракъ идетъ да въ сторону на свою тѣнь поглядываетъ; что, думаетъ, привязался ко мнѣ человѣкъ, знать ѣсть хочетъ; вынулъ дуракъ блинъ и бросилъ своей тѣни, а самъ пошелъ далѣе; идетъ, а тѣнь съ боку бредетъ. Ну, думаетъ дуракъ, видно голоденъ! взялъ заразъ три блина и бросилъ тѣни, а тѣнь только и стояла пока Иванушка блины доставалъ; Иванушка пошелъ, и она пошла. Поглядѣлъ дуракъ поглядѣлъ, да и сталъ безъ счету тѣни своей блины бросать; всѣ разбросалъ, а тѣнь не отстаетъ. Вишь, ненасытная утроба, все переѣлъ, а не отстаетъ; тутъ дуракъ съ сердцовъ швырнулъ въ тѣнь свою всѣмъ горшкомъ, а самъ побѣжалъ; горшокъ разлетѣлся, дуракъ бѣжитъ, а за нимъ и

тѣнь бѣжить. Вотъ и прибѣжалъ къ братьямъ въ поле; какъ дурака братья завидѣли, такъ работу покинули и стали собираться обѣдать, а дуракъ сталъ имъ сказывать, вотъ такъ и такъ: дала невѣстка отнести къ вамъ горшокъ блиновъ, а привязался ко мнѣ дорогой челоуѣкъ, да такой прожерливый, что всѣ блины пріѣлъ; осерчавъ, я въ него горшкомъ и стукнулъ!

Гдѣ же онъ теперь? спросили братья. Дуракъ обернулся, вонъ, вонъ! закричалъ онъ, указывая на свою тѣнь, и теперь не отстаеъ! Тутъ догадались умные братья, принялись дурака бранить, принялись его корить, да съ голодухи маленько и побили.

Собрался разъ старшій братъ на базаръ и велѣлъ дураку съ собой ѣхать, пускай, говоритъ, хоть лошадь подержить. Поѣхали, все закупили: и ложки и плошки, и столъ и соль, и чашки и всякую всячину; вотъ и ѣдутъ домой, ужъ и близенько, и церковь видна, да нагналъ ихъ кумъ, и зоветъ старшаго брата въ свою телегу, слово перемолвить, о дѣлѣ покалякать.

Старшій братъ сдалъ меншому возжи, да и велѣлъ за собою ѣхать. Вотъ ѣдетъ дуракъ, шапка на затылкѣ, по сторонамъ поглядываетъ, рукавами потряхиваетъ, и слышитъ, что въ столѣ ложки побрякиваютъ: брякъ да брякъ, а Иванушкѣ думается, что ложки приговариваютъ: дуракъ дуракъ! Вотъ онъ осерчалъ и расшвырять ихъ по полю. Откуда ни взялось вороньё, кричитъ: каръ, каръ, каръ! Видно ѣсть хотятъ, подумалъ дуракъ, схватилъ мѣшокъ с крупой, да и бросилъ его съ телеги воронамъ: кушайте, тетеньки, на здоровье! Въѣхалъ дуракъ въ лѣсокъ, а въ лѣсу стоятъ обгорѣлые пни; эхъ, дяденьки, чай студено вамъ безъ шапокъ стоятъ, сказалъ дуракъ, и надѣлъ на нихъ по горшку, по корчагѣ. Обрядивши пни, сѣлъ на возъ и ну безъ толку хлестать лошадь; лошадь зартачалась; Сивка, пить, что—ль, захотѣла? спросилъ дуракъ, сивка махнула хвостомъ. Ну пить такъ пить, сказалъ Иванушка, и подѣхавъ къ рѣкѣ сталъ Сивку уговаривать испить водицы; Сивка пить не хотѣла, стоитъ надъ водой да

ушами прядеть. Задумался дуракъ, отчего лошадь не пьеть, да и вздумаль: — знать не солоно! Хвать всю соль, да и бухъ въ воду, только пузыри пошли! А лошадь всё воды не пьеть. Ну, ну, ну! теперь то я знаю отчего она не пьеть! низко, не достанеть, знать у нея ноги высоки; постой, Сивка, я те маленько ноги поокорочу! Вотъ Иванушка выпрягъ Сивку, взялъ топоръ подошелъ къ ней, чтобы ноги окоротить, а та умнѣе его была, да какъ лягнетъ его, да бросится по дорогѣ домой, только онъ ее и видѣлъ. Присѣлъ малый, въ силу отдохнулъ отъ Сивкинаго угощенья, а посидѣвши, взялъ оглобли, впрягся въ телегу и потащилъ ее домой. Что это, думаетъ, супротивъ прежняго, какъ лошадь везла, тяжело стало ѣхать? да вспомнилъ, что въ телегѣ столь стоитъ; выхватилъ дуракъ столь и говоритъ: у тебя, братъ, четыре ноги, а у меня двѣ, ты скорѣе меня домой прибѣжишь! А столь, какъ сталъ на ноги, такъ и ни съ мѣста! зло взяло бѣднаго дурака, схватилъ онъ кнутъ и ну хлестать столь; билъ, билъ, изъ силъ выбился а

столь все ни съ мѣста! Ладно, говорить дуракъ, захочешь ѣсть, такъ небось и самъ прибѣжишь!

Скрыпить телега по селу, преть ее Иванушка въ гору, а потъ съ него такъ и леть! Выглянулъ братъ въ окно, пріѣхавъ уже напередъ съ кумомъ домой, батюшка, да это нашъ дуракъ пріѣхаль!

Дуракъ, гдѣ лошадь?

Въ лѣсъ по ягоды пошла.

Гдѣ покупки, гдѣ крупа? гдѣ ложки, горшки да плошки?

Ложки всю дорогу ругались: дуракъ да дуракъ, я ихъ разшвырялъ по полю, а крупу тетенькамъ отдалъ, горшки съ корчагами въ лѣсу на дяденекъ повздѣлъ, а столь, захочетъ ѣсть, такъ и самъ прибѣжить, вѣдь на четырехъ ногахъ, не ужинавши спать не ляжетъ!

Тутъ братья съ женами бросились на дорогу, отыскивать покупки; лошадь сама на дворъ прибѣжала, столь нашли и горшки со пней посымали, крупу вороны на половину расклевали, а ложки одну по одной собирали. Съ тѣхъ поръ зареклись

братья Иванушку дурака съ покупками
посылать.

КОШЕЧКА.

Сидить кошечка
На окошечкѣ,
Пришель котъ,
Сталь кошку спрашивать,
Сталь выпрашивать:
О чемъ киска плачетъ,
О чемъ слезу ронить?
А какъ же мнѣ не плакать,
Какъ слезы не ронить:
Поваръ съѣлъ печеночку,
Да сказалъ на кисочку;
Хотятъ киску бить,
Ушки терebить!

СКОМОРОШЬЯ ПѢСНЯ.

Медвѣдь на работѣ каменя
воротить,
Ракъ на колодѣ рубашки
колотить,
Волки въ болотѣ просо молотятъ,
Котъ на печи сухари толчетъ,

Кошка въ окошкѣ ширинку
шьеть;

Петька пѣтухъ по лавкамъ
пошелъ,

Самъ каблучками побрякиваетъ,
Изъ стѣнки таракановъ
потаскиваетъ;

Курочка — рябушечка избу
мететь,

Паукъ въ углу основу снуеть,
Утка въ юбкѣ холсты точеть,
Селезень пирожникъ пироги
печеть,

Корова въ рогожѣ всего дороже,
Въ закутѣ стоитъ, сыромъ
масломъ доить!

СТРЯПУХА.

Притворила баба хлѣбы
На вчерашней на водѣ,
А вчерашняя вода
Не покрытая была;
Не удачная квашня,
По уторамъ—то вода.
А серѣдъ квашни мука;

По подлавочью валяла,
По запечью пекла,
Кочергой загребла;
Жарко хлѣбы посадила,
Баба хлѣбы поприжгла,
Наложила въ коробокъ,
Повезла во торжокъ;
Никто хлѣбушковъ не купить,
Никто даромъ не беретъ;
Подошла одна свинья,
Она ѣсть—то не ѣла,
Только рыломъ разваляла,
Только рыло обмарала,
Три недѣли прохворала!

ПЕРНАТКИ.

Солеталися птица съ птицей
Табункомъ вереницей,
Пѣли они воспѣвали
Птицамъ славу воздавали:
Кто у нихъ за моремъ большій,
Кто у нихъ за моремъ меншій?
Всѣмъ голова царь сизльй—орель,
Всѣмъ царица мать—орлица,
Соколь богатырь,

На все царство налетъ,
Съ размаху бьетъ;
Бѣлы лебеди бояре,
А лебедушки боярыни,
Гуси поморяне,
Природные дворяне;
Утка судомойка,
Утята босоноги
Обили всѣ пороги,
Пиголка щеголекъ
Надымаеть хохолокъ,
Сова воеводша:
Ой–ли мохнатая ножки,
Ой–ли сафьянны сапожки,
Съ ножки на ножку ступаеть,
Выше лба брови подымаеть!
А сорока воровка,
Скачетъ и пляшетъ,
Вѣсти разносить,
Что найдетъ не бросить;
Куликъ разсылный,
Клестъ портной,
Курица сапожникъ,
Что ступить то клюнетъ;
Дятель плотникъ,

Дерево долбить;
Журавль землемѣрь,
Кафтанъ на немъ сѣрь:
Тото—ли долгія ноги
А и тото—ли короткое платье!
Ворона торговка,
По дворамъ бродить,
Снопы разбиваетъ;
Кукушка кликушка,
Калачница цапля,
Грачъ трубачъ,
Галицы старицы,
Ласточки молодицы,
Косатки дѣвицы,
Кречетка понамарь,
Коровайка звонарь;
Жаворонокъ вещьвременикъ,
Въ поднебесье взвивается,
Радостью заливается;
Синичка хвастунья,
Похвальбой промышляетъ,
Малыхъ дѣтокъ потѣшаетъ;
А варакушкѣ все праздникъ,
Всѣхъ пернатокъ дразнить!

УТОЧКА.

Уточка да луговая,
Сърая да полевая,
Гдѣ ты ноченьку ночевала?
Подъ мостомъ мосточкомъ,
Подъ ивовымъ кусточкомъ;
Ужъ я утя хожу,
Малыхъ дѣтокъ вожу,
А я утя поплыву,
Малыхъ дѣтокъ поведу!
Шла уточка по бережку,
Сизокрылая по крутому,
Вела малыхъ дѣтокъ за собою;
Старшаго большаго,
Средняго меншаго;
Ай ути, ай ути!
Да куда же мнѣ уйти?
Кабы лѣсъ, кабы лѣсъ,
Перевѣсилася;
Кабы кусъ пирога,
Подавилась молода;
Кабы полая вода,
Утопилась молода!

КОЗЛИКЪ.

Какъ пошелъ нашъ козелъ
Да по ельничку,
По частому березничку,
Что по горькому осинничку;
Какъ встрѣчу козлу бѣжить заенька,
Бѣжить сѣренькій,
Еще бѣленькій:
Ахъ ты, звѣрь, ты, звѣрина,
Ты скажи-ка свое имя,
Ты не смерть-ли моя,
Ты не съѣшь-ли меня?
Ужъ я не смерть-то твоя,
Ужъ я не съѣмъ-то тебя:
Ужъ я заенька,
Ужъ я сѣренькій
Еще бѣленькій!
Ужъ я по лѣсу хожу
Себѣ пищу ищу.

Какъ пошелъ нашъ козелъ
Да по ельничку,
По частому березничку;
Какъ встрѣчу козлу бѣжить лисанька,
Бѣжить рыженька.
Ахъ, ты, звѣрь, ты, звѣрина,

Ты скажи—ка свое имя,
Ты не смерть—ли моя,
Ты не съѣшь—ли меня?
Ужъ я не смерть—то твоя,
Ужъ я не съѣмъ—то тебя,
Ужъ я лисанька,
Ужъ я рыженька,
Ужъ я по лѣсу хожу,
Все орѣшки ищу!

Какъ пошелъ нашъ козель
Да по ельничку,
Да по частому березничку,
Что по горькому осинничку;
Какъ встрѣчу козлу сѣрый волченька:
Ахъ, ты, звѣрь, ты, звѣрина,
Ты скажи—ка свое имя,
Ты не смерть—ли моя,
Ты не съѣшь—ли меня?
Ужъ я смерть—то твоя,
Ужъ я съѣмъ—то тебя!

СЛАВА.

Ужъ какъ слава тебѣ, Боже, на небеси,
слава!

За святую волю тебѣ, Боже, слава!
Ужъ какъ нашему Царю на землѣ слава!
Чтобы правда была на Руси, слава!
Краше солнца свѣтила, слава!
Его вѣрнымъ слугамъ неизмѣниваться,
слава!
Его верной рати не истариваться, слава!
Его ратнымъ конямъ не изъѣзживаться,
слава!
Чтобы Царева золота—казна, слава!
Была вѣкъ полнымъ полна, слава!
Что большимъ рѣкамъ сверху дѣ моря,
слава!
А мелкимъ рѣчкамъ на помоль идти,
слава!
А мы пѣсню свою Государю поемъ,
слава!
Государю поемъ, ему честь воздаемъ,
слава!

ДѢТСКІЯ ИГРЫ.

Почти каждая игра начинается конаньемъ или жеребьемъ, по жеребью выбираютъ матку, жожака или водыря, который заводитъ игру. Жеребій мечуть

словами какойнибудь известной поговорки; дѣти становятся въ кружокъ и одинъ, который знаетъ жеребьевую поговорку, начинаетъ, указывая напередъ на самого себя, говорить: "яблочко," потомъ, указывая пальцемъ на другаго, говорить: "катилось," на третьяго: "вокругъ," на четвертаго: "огорода," на пятаго: "кто," на шестаго: "его поднялъ" и такъ по очереди перебираетъ всѣ слова: "воевода, воеводскій сынъ; слышалъ; вышелъ, вонъ пошелъ!" На кого падутъ слова "вонъ пошелъ," тотъ выходитъ изъ круга. Для иной игры трижды бросаютъ жеребій, напимѣръ въ игрѣ Гуси–лебеди, нужно три человекъ: водырь и два волка. Въ игрѣ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, нужна правда, то–есть, надо играть безъ плутовства, по принятымъ правиламъ. Въ старину водырь начиналъ игру уговоромъ: "Чуръ, играть не плутовать," за плутовство выгоняли изъ игры.

Жеребьевыхъ поговорокъ много, вотъ для примѣра: Яблочко катилось вокругъ огорода, кто его поднялъ, тотъ воеводичъ,

воеводскій сынъ: слышалъ, вышелъ, вонъ пошелъ!

Птичка перепеличка пить захотѣла, поднялась, полетѣла, пала, пропала, подъ ледъ попала!

Мѣсяць, мѣсяць, гдѣ ты былъ? Въ лѣсу былъ. Что ты дѣлалъ? Лыко дралъ. Куда клалъ? Подъ колоду. Кто видалъ? Родіонъ. Поди вонъ!

Кулю, кулю, баба, не выколи глаза, поди въ куть, тебѣ денежку дадутъ, либо мочки клокъ, либо гребнемъ въ лобъ!

Плыла пѣна изъ за моря, стали пѣну бити, стали спрашивати: кто у васъ большій, кто у васъ меншій, чашка, ложка, медокъ, сахарокъ!

Гори, дрова, жарко, пріѣдетъ захарка, на писаныхъ санкахъ, самъ на кобылѣ, жена на коровѣ, дѣтки на теляткахъ, на пѣгихъ собачкахъ!

Свинка ходитъ по-бору, щиплетъ лебеду траву, она рветъ, не беретъ, подъ березку кладетъ.

Разъ, два, да упала гора; три, четыре, прицѣпили; пять, шесть, бьютъ шерсть;

семь, восемь, сѣно косимъ; девять, десять, денги вѣсятъ, одиннадцать, двенадцать, никуда дѣваться.

Сказка, присказка, прикована невѣстка, къ стульцу, къ ножкѣ, къ липовой лутошкѣ, къ собачьей норкѣ.

Пляши, Ваня, не вилай, ко ужину добывай, не добудешь, битый будешь, а добудешь, сытый будешь.

I.

ТЕРЕМОКЪ МЫШКИ.

Дѣти выбираютъ изъ себя мышку, мышка строитъ изъ стульевъ теремокъ и садится въ немъ. Одинъ изъ дѣтей ползетъ ящерицей и говоритъ, постукивая: "Кто въ терему, кто въ высокомъ?" Мышка отвѣчаетъ: "Я, мышка норышка, а ты кто?" "Я ящерка шерошорочка." "Иди ко мнѣ жить!" "Хорошо," отвѣчаетъ ящерица и садится около мышки.

Потомъ прыгаетъ лягушка, стучится и спрашиваетъ: "Кто въ терему, кто въ высокомъ?" "Я, мышка норышка, да ящерка шерошорочка, а ты кто?" "А я

лягушка квакушка." "Ну иди къ намъ жить!" "хорошо." Потомъ приходитъ бѣлочка попрыгущечка, потомъ зайка увертышекъ, потомъ сестричка лисичка, мышка всѣхъ принимаетъ и имъ хорошо жить; когда-же влѣзаетъ къ нимъ сѣрый волкъ изза куста-хватышь, то звѣрки начинаютъ всякій посвоему кричать карауль. На крикъ ихъ идетъ Мишка-медвѣдь; разузнавъ въ чемъ дѣло, ломаетъ теремокъ и звѣрки съ крикомъ разбѣгаются.

II.

ИГРА ВЪ КУЗОВОКЪ.

Дѣти садятся играть; одинъ изъ нихъ ставитъ на столъ корзинку и говоритъ сосѣду: "вотъ тебѣ кузовокъ, клади въ него, что есть на окъ, обмолвишься, отдашь залогъ." Дѣти по очередному порядку говорятъ слова въ риѳму на окъ: "Я положу въ кузовокъ клубокъ," "а я платокъ, я мотокъ, или замокъ, сучокъ, коробокъ, батожокъ, сапожокъ, башмачокъ, чулокъ, клочекъ, утюжокъ, воротничокъ,

поплавокъ, сахарокъ, судачокъ, мѣшокъ, курокъ, листокъ, лепестокъ, колобокъ, ломотокъ, лапотокъ" и пр.

По окончаніи разыгрываются залогі: покрываютъ корзинку и одинъ изъ дѣтей спрашиваетъ: "чей залогъ вынется, что тому дѣлать?" Дѣти по очереди назначаютъ каждому залогу выкупъ, напр. пропрыгать по комнатѣ на одной ножкѣ, или въ четырехъ углахъ дѣло подѣлать: въ одномъ постоять, въ другомъ поплясать, въ третьемъ поплакать, въ четвертомъ посмѣяться; или басенку сказать, загадку загадать или сказочку рассказать или пѣсенку спѣть, пословицу сказать или скоро наскоро чистоговорку проговорить, напрм. "Наша рѣка широка, какъ Ока! Какъ, какъ Ока? Такъ, какъ Ока! Такъ, какъ Ока широка наша рѣка." Въ концѣ игоръ будетъ приложено нѣсколько чистоговорокъ или скороговорокъ, пословицъ и загадокъ.

III.

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

По жеребью или съ согласія дѣти выбираютъ волка; волкъ, сгорбясь, садится на скамѣчку по среди комнаты и дѣти разсыпаются по комнатѣ, щиплютъ траву и приговариваютъ:

Щиплю, щиплю ягодку,
Черную смородинку;
Батюшкѣ въ ставчикѣ,
Матушкѣ въ рукавчикѣ,
Сѣрому волку
Травы на лопату.

Какъ—бы отъ волка убраться,
Какъ—бы отъ сѣраго разбѣжаться!

Сказавъ это, дѣти бросаютъ въ волка травой; волкъ, разсердясь, гоняется за ними и кого поймаешь, того ведетъ на свое мѣсто; пойманный дѣлается волкомъ, а прежній волкъ ребенкомъ и вмѣстѣ съ другими начинаетъ игру, собираетъ ягоды для отца съ матерью, а на долю сѣраго волка рветъ траву.

IV.

ГУСИ, ЛЕБЕДИ.

Выбравъ по конанью двухъ или одного волка, смотря по числу дѣтей, выбираютъ водыря, того, который заводитъ, т. е. начинаетъ игру; всѣ остальные представляютъ гусей. Водырь становится на одномъ концѣ комнаты, гуси на другомъ, а волки у третьей стѣны прячутся за стулья, какъ за гору. Водырь похаживаетъ и поглядываетъ и какъ замѣтитъ волковъ, то бѣжитъ на свое мѣсто, хлопаетъ руками, крича:

Водырь: Гуси, лебеди, домой!

Гуси: По что?

Водырь: Бѣгите, летите домой,
Стоять волки за горой!

Гуси: А чего волкамъ надо?

Водырь: Сѣрыхъ гусей щипать,
Да косточки глодать.

Гуси бѣгутъ гогоча: га, га, га, га! Волки выскакиваютъ изъ за горы и бросаются на гусей; которыхъ поймаютъ, тѣхъ отводятъ за гору, а сами дѣлаются гусями, и игра начинается снова.

Всего лучше въ волки играть на волѣ, въ саду.

V.
МЫШКИ.

Всѣ дѣти садятся по уголкамъ на стулья, это ихъ норки. Водырь подходитъ къ каждой и говоритъ: "Мышка, мышка, продай свою норку"! Если мышка согласна, то говоритъ: "Хорошо, отойди и встань ко всѣмъ передомъ, а ко мнѣ задомъ". Водырь становится такъ, чтобы ему ни было видно, когда приготовится мышка бѣжать, а мышка тѣмъ временемъ, переглянувшись съ подругой, встаетъ и обѣ бѣгутъ, чтобы помѣняться мѣстами; водырь старается захватить порожнее мѣсто и если ему удастся, то прозѣвавшая мышка дѣлается водыремъ.

VI.
КОРШУНЪ.

Дѣти выбираютъ коршуна и матку насѣдку; остальные всѣ представляютъ цыплятъ; первый цыпленокъ держится сзади за насѣдку, второй за перваго, третій за втораго и такъ устраивается цѣлая

вереница за насѣдкой. Насѣдка бережетъ своихъ цыплятъ и, раскинувъ руки, какъ крылья, стережетъ ихъ. Коршунъ садится на-поль, и посматривая на цыплятъ, роетъ въ землѣ ямку; насѣдка заботливо похаживаетъ и заводитъ съ коршуномъ речь:

"Коршунъ, коршунъ, что ты дѣлаешь?"

Коршунъ. Ямку рою.

Насѣдка. На что тебѣ ямка?

Коршунъ. Денежку ищу.

Насѣдка. На что тебѣ денежка?

Коршунъ. Иголочку купить.

Насѣдка. На что тебѣ иголка?

Коршунъ. Мѣшечекъ сшить.

Насѣдка. На что тебѣ мѣшечекъ?

Коршунъ. Камешки класть.

Насѣдка. На что тебѣ камешки?

Коршунъ. Въ твоихъ дѣтокъ швырять-
лукать.

Насѣдка. За что въ моихъ дѣтокъ
швырять-лукать?

Коршунъ. За то, что твои дѣти мою
городьбу разломали.

Насѣдка. А какъ высока была твоя городьба?

Коршунъ. А вотъ какая, говоритъ коршунъ, высоко подкидывая мячикъ.

Насѣдка. О нѣтъ, мои дѣтки такъ высоко не достануть, мою городьбу козелъ бородой достаетъ, а они и той не сягають.

Коршунъ. Твои дѣтки плуты, буяны, я ихъ всѣхъ изведу!

Насѣдка. Не дамъ тебѣ, злой коршунъ, моихъ птенцовъ: шишъ, шишъ, кричитъ насѣдка, маша крыльями и защищая птенцевъ своихъ. Коршунъ бросается на крайнихъ и сколько сможетъ, отхватываетъ и отводитъ цыплятъ къ сторонкѣ; пойманные—жъ цыплята честно дожидаются конца игры и не перебѣгаютъ. Игра оканчивается тѣмъ, что всѣ цыплята попадаютъ къ коршуну, и если игра начинается съизнова, то коршунъ дѣлается насѣдкой, а старая насѣдка обращается въ коршуна либо конаются снова.

VI. ПОЛЕТУШИ.

Всѣ дѣти садятся вокругъ стола и кладутъ по пальцу на столъ. Водырь начинаетъ игру, называетъ какую нибудь птицу либо летучее насѣкомое, а назвавъ его, подымаетъ палецъ вверхъ и быстро опускаетъ его на столъ; дѣти должны дѣлать тоже, если же кто прозѣваетъ летѣть, то—есть поднять или опустить палецъ, или полетитъ тогда, когда водырь обманывается, называя нелетучую тварь, или вещь, то даетъ залогъ. Вотъ примѣръ: Водырь, подымая палецъ, говоритъ: "Сова летитъ, сама летитъ!" дѣти подымаютъ и опускаютъ пальцы. "Пѣтушокъ летитъ, кочетокъ летитъ!" пальцы подымаются и опускаются. "Козелокъ летитъ!" говоритъ водырь, подымая и опуская палецъ; кто изъ дѣтей полетѣлъ съ козелкомъ, тотъ даетъ залогъ. Залоги послѣ разыгрываются.

VII. КОШКА И МЫШКА.

Дѣти конаются, либо выбираютъ кошку и мышку, а сами, сцѣпясь руками, становятся въ кружлькѣ; въ кружкѣ бѣгаетъ мышка, за кружкомъ кошка порывается поймать мышку; она вбѣгаетъ, а мышка выбѣгаетъ вонъ; дѣти поноравливаютъ мышкѣ, задерживая кошку; когда-же кошка поймаетъ мышку то дѣлается мышкой, а мышка кошкой, или начинаютъ игру снова конаясь.

IX. ВЕРЕВОЧКА.

Связываютъ веревочку кольцомъ, потльмъ всѣ берутся за нее руками; въ средину круга входитъ пара жеребьевыхъ, одинъ подходитъ къ играющимъ и начинаетъ разговаривать, другой жеребьевой подмѣчаетъ, нѣтъ-ли оплошнаго, который заслушался, и какъ увидитъ такого, то хлопаетъ его по рукѣ; оплошный становится на мѣсто круговаго, а раскащикъ, пользуясь суматохой, хлопаетъ другаго оплошнаго и его вводитъ въ кругъ,

а самъ становится на его мѣсто. Вся штука въ томъ, что каждый, при опасности, бросаетъ веревочку, но долженъ тотчасъ опять за нее ухватиться.

X.

КОЛЬЦО.

Надѣвають колечко на веревочку, берутся за нее и скоро наскоро перепускаютъ колечко изъ рукъ въ руки; если чередной у кого его замѣтитъ, то ловить кольцо. Оплошный становится на мѣсто жеребьеваго, а тотъ идетъ на его мѣсто въ кружокъ.

XI.

БАБУШКА И КОТИКЪ.

По жеребью выбираютъ бабушку и котика; бабушку повязываютъ по старушечьему платкомъ, а котику навязываютъ ошейникъ съ бантикомъ, строятъ бабушкѣ печь и сажаютъ ее на печь съ котикомъ. Бабушка и котикъ сидятъ и

караулять отъ мышатокъ криночку съ
молокомъ; а всѣ дѣти мышата. Котъ
отпрашивается у бабушки въ гости, а
мышатки бѣгають и другъ съ дружкой
совѣтуются, какъ бы молочка поѣсть; вотъ
и приходятъ къ бабушкѣ и заговаривають
съ нею:

Мышатки. Бабушка, бабушка,

Гдѣ твой котокъ,
Сѣрый лобокъ,
Бархатныя лапки,
Пушнльй хвостикъ?

Бабушка. Мой котокъ, сѣрый лобокъ,

Пошелъ въ гости
Глодать кости.

Мышки. Бабушка, мы истопили баньку,
Не хочешь—ли помыться,
На волѣ попариться?

Бабушка. А какая у васъ банька?

Мышки. Наша банька золотая,

Каменка изразчатая,
Топили по семи дѣнь,
Пару на семь деревень!

Бабушка. А какой у васъ вѣникъ?

Мышки. Вѣникъ шелкльвый, шелку шемаханскаго, отбить у Татарина въ ордѣ, найденъ у боярина во дворѣ, съ боярскаго двора принеси его земскій!

Бабушка. Ну ладно, схожу!

Бабушка уходитъ, мышки тащатъ криночку, выпиваютъ молоко, а кринку роняютъ на полъ. Приходитъ котъ и ну мяукать, бабушку искать; на зовъ кота прибѣгаетъ бабушка, видитъ разбитую кринку и бросается съ котомъ ловить мышатокъ; мышки бѣгаютъ, за ними бѣгаютъ котъ да бабушка, а какъ поймаютъ пару, такъ бабушка сымаетъ съ себя платокъ и повязываетъ имъ свою мышку; та дѣлается бабушкой, садится на печку, ставитъ передъ собою криночку и сторожить ее отъ мышей, а котикъ сымаетъ свой ошейникъ, передаетъ его своей мышкѣ и самъ дѣлается мышкой, а его мышка надѣваетъ ошейникъ и идетъ къ бабушкѣ на печь, въ коты. Игра начинается снова.

XII.

УТОЧКА.

Утенька, да луговая!
Сѣрая, да полевая!
Гдѣ ты ночку ночевала?
Подѣ мостомѣ мосточкомѣ
Подѣ ивовымѣ кусточкомѣ.
Ужъ я, утя, хожу,
Малыхъ дѣтокѣ вожу,
А я, утя, поплыву,
Малыхъ дѣтокѣ поведу!
Шла уточка по бережку,
Сизокрылая по крутому,
Вела малыхъ дѣтокѣ за собою:
Старшаго, большаго,
Средняго, меншаго.
Ай ути, ай ути,
Да куда-же мнѣ уйти?
Кабы лѣсъ, кабы лѣсъ,
Перевѣсилась!
Кабы кусъ пирога,
Подавилась молода!
Кабы полая вода,
Утопилась молода!

Это игра хороводная. Выбирают двоих для воротъ, а третью мать–уточку, за которую, какъ за насѣдку въ игрѣ коршунъ, держатся утята; уточка идетъ, приплясывая и припѣвая, за нею прыгаютъ, подплясываютъ и припѣваютъ утятки, а передъ уточкой двое изъ игроковъ, сцѣпясь руками, поднимаютъ ихъ въ видѣ воротъ; они идутъ задомъ, лицомъ къ уточкѣ, также приплясываютъ и поютъ:

"Утенька, да луговая,
Сѣрая, да полевая,
Гдѣ ты ночку ночевала?"

На это уточка отвѣчаетъ:

"Подъ мостомъ мосточкомъ;
Подъ ивовымъ кусточкомъ,
Ужъ я, утя, хожу,
Малыхъ дѣтокъ вожу,
Я, утя, поплыву,
Малыхъ дѣтокъ поведу!"

Послѣ этого отвѣта, всѣ, и утка съ утятами и ворота, поютъ:

"Шла уточка по бережку,
Сизокрылая по крутому,
Вела малыхъ дѣтокъ за собою,

Старшаго большаго,
Середняго, меншаго!"

Тогда запѣвають ворота:

"Ай уйди, ай уйди!"

Уточка, со своею вереницей, начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону, но куда ни кинется, вездѣ стоятъ ворота и нѣтъ ей другаго хода, какъ черезъ нихъ. Ворота поютъ: "Ай, иди, ай, иди!" тогда она отвѣчаетъ, приплясывая:

"Да куда же мнѣ уйти?

Кабы лѣсъ, кабы лѣсъ,

Перевѣсилась бы;

Кабы кусъ пирога,

Подавилась молода;

Кабы полая вода,

Утопилась молода!"

За тѣмъ, хлопнувъ руками, вскрикиваетъ: "Ай, дѣтушки, берегитесь!" и сама ныряетъ въ ворота; утята торопятся за нею, а ворота стараются отхватить утятъ, опускаясь сейчасъ за уткой, но утята увертываются, крѣпко держась за мать и другъ за друга. Долго приходится воротамъ отворяться и захлопываться, пока ни

отберуть у матери всѣхъ, допослѣдняго утятъ, и этимъ оканчивается игра.

**ПОСЛОВИЦЫ.
ПРАВДА.**

Хлѣбъ соль кушай, а правду слушай.

На правду мало словъ: либо да, либо нѣтъ.

Худаго не хвали, хорошаго не кори.

Всякъ правду знаетъ, да не всякъ правду баеть.

Правда свѣтлѣе солнца.

Кривды много, а правда одна.

Всякая неправда грѣхъ.

—

ВРАНЬЕ.

Всѣхъ вруновъ не переврешь.

—

Соврешь не помрешь, а впередъ не повѣрятъ.

—

Извѣришься въ иглѣ, не повѣрятъ въ рублѣ. (Будь въ маломъ правдивъ и въ большомъ стануть вѣрять).

—

Враньемъ (или неправдой) весь свѣтъ пройдеши, да назадъ не вернешься.

—

ТРУСОСТЬ.

—

Трусъ самъ своей тѣни боится.

Воевать тебѣ, на печи съ тараканами.

**Храберъ послѣ рати, какъ залѣзъ на
полати.**

Не струшу, хоть на грушу!

**Самъ–семъ всемеромъ и на кашу не
страшно!**

**НЕРѢШИМОСТЬ, БЕСТОЛОЧЬ.
Кто въ лѣсѣ, кто по дрова.**

**Изъ короба не лѣзетъ, въ коробъ
нейдетъ и короба не отдаетъ!**

**Ни да, ни нѣтъ, ни туда, ни сюда, ни
взадъ, ни впередъ.**

—————

Ни тпру, ни ну, ни подгору, ни вгору.

—————

Холоду не любить, а въ жару не спить.

—————

Много шуму, да мало толку.

—————

ПОХВАЛЬБА.

**Самъ поеть, самъ слушаетъ, самъ,
похваливаетъ.**

—————

Высоко летаешь, да низко садишься.

—————

Звонко поешь, да гдѣ-то сядешь?

—————

Хвались, да не поперхнись.

—————

Похвальное слово гнило.

—————

Въ хвасты нѣтъ сласти.

—————

ГЛУПОСТЬ.

Изъ дурака и плачь смѣхомъ преть.

—————

**Радъ дуракъ, что пирогъ великъ, радъ и
пирогъ, что у дурака ротъ великъ!**

—————

На умнаго печать, на глупаго замокъ.

—————

**Чего нѣтъ въ головѣ, того къ ушамъ не
пришьешь.**

—————

ЖАДНОСТЬ.

Самъ сытъ, да глаза голодны.

—

Всего добра не переѣшь.

—

**Ложка узка, хватаетъ по два куска:
развести ее пошире, чтобъ брала по четыре!**

—

НЕУДАЧА.

**Придетъ солнышко и къ нашимъ
окошечкамъ.**

—

Наше счастье комомъ сжалось.

—

Ни то ни се кипѣло, да и то пригорѣло.

—

Ѣхало не ѣдетъ и ну не везетъ.

—
Ладиль мужичокъ челночокъ, а свель
на уховертку.

—
Л Ъ Н Ъ .

Лънивому всегда праздникъ.

—
Сёмъ пересёмъ, какъ—бы день
перешель.

—
Убить бы день, а ночи не увидимъ.

—
Рано встала, да мало напяла.

—
Работа въ рукахъ плеснѣть.

—

Только бы пѣть, да гулять, да дѣла не
знать.

Что дѣлаешь? Ничего. А онъ что?
Помогать пришель.

Тить, поди молотить! — Спина болить.
Тить, поди кашу ѣсть! — А гдѣ моя большая
ложка?

У него лѣнь запазухой гнѣздо свила.

ТРУДЪ.

Дѣло пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь?

Дѣла ищешь, или отъ дѣла рыщешь?

Не то забота, какъ много работы, а то
забота, какъ нѣтъ ея!

Вздохни, да охни, а свое отбывай.
(Трудись).

Десятью прикинь, однова отрѣжь.

Не начавши, думай, а начавши, дѣлай.

БѢДНОСТЬ.

Щеголь Ивашка, что ни годъ, то
рубашка!

Хорошъ молодець, ни козъ, ни овецъ!

Два вѣника въ коробѣ, да мышъ въ
подпольѣ. (Все богатство).

—————
Ни кола, ни двора, ни пригороды.

—————
Въ одномъ карманѣ пусто, въ другомъ
нѣтъ ничего.

—————
Горе наше, гречневая каша, а поѣль бы
и такой, да нѣтъ никакой.

—————
Гдѣ голь беретъ? Голи Богъ даетъ.

—————
Ч У Ж О Е .

Береги чужое пуще своего.

—————
Чужое добро страхомъ огорожено.

—————
Не хитро взять, хитро отдать.

—
Берешь руками, а отдаешь ногами.

—
ОБИДА, ССОРА.

Шути пока краска въ лице не вступила.

—
Иной смѣхъ плачемъ отзывается.

—
Лучше не договорить, чѣмъ
переговорить.

—
Сказанное словцо серебряное, а
несказанное золотое.

—
За вѣтромъ не угоняешься, за каждое
слово не поверстаешься.

—

**Бшь пирогъ съ грибами, да держи языкъ
за зубами.**

—————

Ссора до добра не доведетъ.

—————

Лады, что у кошки съ собакой.

—————

У Фили пили, Филю и били.

—————

ЗЛОБА.

Не поворчавъ, кошка куска не съѣсть.

—————

**На зло, да на перекоръ, да людямъ въ
укоръ.**

—————

**Кто захочетъ собаку ударить, найдетъ и
палку.**

—————

С М Ъ Х Ъ .

Скоро не споро.

**На скорую ручку, комкомъ, да въ
кучку.**

И готово, да безтолково.

Тяпъ, ляпъ, да и корабль.

Скоро поѣдешь, не скоро доѣдешь.

Поспѣшишь, людей насмѣшишь.

Скорь, торопливъ, обувшись парится.

ИСПОДВОЛЬ, ТЕРПѢНЬЕ.

Тише ѳдешь, дальше будешь.

Курица по зернышку клюетъ, да сыта
живетъ.

Не велика капля, а камень долбитъ.

По каплѣ дождь идетъ, а дождь рѣки
поить, рѣками моря стоятъ.

БЕСТОЛОЧЬ.

Ты ему стелешь вдоль, а онъ мѣритъ
поперекъ.

Толкъ—то есть, да не втолканъ весь.

Даль бы ума, да своего мало.

Пошло дѣло на ладъ, словно одинъ
держитъ, другой не пускаетъ.

Акуля, что шьешь неоттуля? Да я,
матушка, еще пороть стану.

РАЗНОЕ.

Міръ, что огородъ, въ немъ все растетъ.
(И хорошее и худое).

Не честно (не привѣтливо) просишь, не
охотно дать.

Своего спасиба не жалѣй, а чужаго не
жди.

**Любишь кататься, люби и саночки
возить.**
